
КОММУНИКАЦИЯ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Петр Меньшиков*

DOI 10.24833/2073-8420-2017-3-44-81-90

Введение. В статье анализируется эволюция и современное состояние теории политических коммуникаций как одной из функций государственного управления в России и странах Запада. Основной акцент делается на специфике приоритетов регулирования государственной информационной политики в России в условиях новой политической реальности, сложившейся после 2014 г. Рассматриваются основные направления совершенствования информационного законодательства, формы и методы осуществления коммуникации власти и общества.

Материалы и методы. Компаративный анализ результатов разработки ведущими специалистами США и ЕС проблематики медийной политики как управленческой функции современного государства позволяет провести комплексное междисциплинарное исследование современной практики имплементации реализации государственной информационной политики органами государственной власти и управления Российской Федерации, а также общенаучные и специальные методы познания правовых явлений и процессов в сфере российского информационного законодательства: метод системно-структурного анализа, сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования. Эволюция коммуникационной политики современного государства развивается в последние годы преимущественно в направлении смещения акцента медийной политики в онлайн пространство глобальной сети Интернет. Очевидна специфика подхода в России, что заключается в активизации законодательного процесса применительно к регламентированию национального сегмента сети Интернет в условиях значительного возрастания значения задачи обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации с учетом ужесточения информационного противоборства на международной арене, информационных войн, проводимых странами Запада в отношении России и, в целом, существенного возрастания значения идеологического фактора в современных международных отношениях. В условиях новой политической реальности, сложившихся преимущественно после 2014 г., происходит закономерный процесс трансформации приоритетов в методах и средствах формирования единого информационного пространства России как пространства знаний.

Обсуждение и заключение. Внешне- и внутривнутриполитические условия деятельности российского государства в информационно-коммуникационной сфере требуют известного переосмысления всего комплекса вопросов, касающихся политического контента, методик и технологий выстраивания коммуника-

* **Меньшиков Петр Витальевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных комплексных исследований Одинцовского филиала МГИМО МИД России.
e-mail: menshikov-petr@hotmail.com.

тивного взаимодействия органов государственной власти и управления РФ всех уровней и населения страны во всей широте охвата составляющих его весьма различных специфических аудиторий общественного мнения. При всей важности учета классических принципов осуществления эффективного механизма коммуникативного взаимодействия власти и общества, встал вопрос создания отвечающей требованиям времени общенациональной медийной политики, выработка которой является одной из приоритетных задач в контексте совершенствования системы деятельности органов государственной власти и управления РФ. Важнейшим компонентом при этом являются действия российского государства по наращиванию масштабных комплексных усилий в сфере информационной безопасности страны.

Введение

Информационная политика России как многофункциональная комплексная политическая и идеологическая по своему характеру задача государственного управления имеет системный характер и направлена на согласование интересов граждан, общества и государства. Ее цель - построение информационного общества как основы социально-экономического, политического и культурного развития страны. Целенаправленное государственное регулирование информационной сферы является характерной отличительной чертой функционирования системы законодательной и исполнительной власти всех без исключения современных промышленно развитых стран.

Информационная политика в целом рассматривается как действенный инструмент политического воздействия и эффективное средство достижения политических целей. Субъекты информационной политики способны с помощью информации оказывать воздействие на сознание, психику людей, их поведение и деятельность как в интересах государства и гражданского общества, так и в собственных интересах. Самая современная технология нейтральна в отношении к человеческим ценностям до тех пор, пока сам человек не определит направление применения такой технологии. Тогда технология обретает ценностные целевые ориентиры ее человеческого создателя. В наиболее полной мере сказанное относится именно к технологиям сбора, обработки и распространения информации.

Исследование

Информационно-коммуникационные технологии выступают в качестве основного средства цивилизационного прогресса,

соединяя в себе воедино и одновременно для человечества и колоссальное благо, и глобальные угрозы, и совершенно новые вызовы [5. 346]. Новым вызовам посвящены и другие интересные работы [См.: 1, 2, 3, 4].

Благо - открывая совершенно новые горизонты развития инновационной цифровой экономики, трансграничного общения миллиардов людей по всей планете, обеспечения беспрепятственного доступа в режиме реального времени к колоссальным массивам знаний и информации, превращая коммуникацию в действительно всеобъемлющий фактор развития нашей цивилизации.

Угроза - неизбежно порождая те ее все более новые и опасные формы и виды, на которые человечеству еще придется искать адекватные средства противодействия. От проблематики разрушения личного пространства и переживающих качественно новую фазу технологического совершенствования информационных войн до нового феномена XXI столетия - уже ставших реальностью нашего времени массированных кибератак и кибервойн, абсолютно новых форм конфликтов, не регулируемых в должной мере ни существующим международным законодательством, ни эффективными механизмами международного противодействия.

Вызовы - в частности, связанные с развитием искусственного интеллекта и робототехники. Ожидается, к примеру, что к середине 2020 г. 90 процентов всех информационных сообщений в СМИ будут автоматически генерироваться на основе соответствующих алгоритмов, полностью исключая какое-либо участие человека.

Полномасштабное вовлечение государства в целенаправленное регулирование информационной политикой является исторически закономерным, правомерным и необходимым для развития любого со-

временного постиндустриального общества действием в интересах оптимизации государственного управления с целью создания полномасштабного открытого информационного национального пространства. Такая сфера деятельности государства обуславливается в первую очередь национальными интересами, направленными на укрепление информационного суверенитета, обеспечение информационной безопасности, целостности национального информационного пространства, его адекватной интеграции в мировое информационное пространство при строгом соблюдении отмеченных выше национальных интересов и национальной информационной суверенности [1].

Полный или частичный отказ от национального информационного суверенитета, пренебрежение в любой форме требованием неукоснительного соблюдения национальных интересов в информационной сфере неминуемо ведут к потере контроля над национальным суверенитетом в целом. Такова непреложная истина нашего времени, времени прекращения существования биполярного мира и идущего процесса выработки путей перехода к миру подлинно многополярному, времени т.н. «гибридных» войн, санкционной политики, крайней идеологизации всей системы международных отношений, кибертерроризма и киберпреступности [2].

В отечественной и зарубежной научной литературе даются различные определения государственной информационной политики, однако по своему смыслу принципиальных расхождений в подходах к определению ее сути в принципе не наблюдается. В странах Запада регулирующая функция государственного управления общественным сознанием определяется понятием коммуникационная политика, в самое последнее время все шире употребляется термин медийная политика.

Теоретическое осмысление данной тематики основывается преимущественно на двух центральных моментах: каким образом коммуникация воздействует или определяет политические структуры и процессы принятия политических решений и как политика, со своей стороны, воздействует или определяет общественную коммуникацию.

Ряд исследователей исходят из антагонизма, изначально лежащего в основе отношений между политической властью и медийными средствами и ввиду их зависимости по определению от государственной информационной политики. Сто-

ронники т.н. управленческих и системно-теоретических подходов исходят из прямого противопоставления медийной и политико-административной систем. Другие, напротив, отдают приоритет преобладанию факторов их влияния или воздействия на политику. Третьи исходят из взаимозависимости медийных средств и политики [6].

Большинство экспертов, однако, являются приверженцами системы взглядов, в основе которой лежат разработанные «тема отцами» («Founding Fathers») теории политической коммуникации Г.Д. Лассуэллом, П.Ф. Лазарсфельдом и К.И. Ховландом принципов политической коммуникации. Основываясь на классических понятиях, они выделяют такие ее направления, как «polity», «politics» и «policy». «Polity» - медийные средства являются институтом политического участия; «politics» - средством влияния на общественное мнение и процессы волеизъявления; «policy» - сферой политической деятельности, в частности, медийной или коммуникационной политики. Есть ряд принципиальных аспектов, в которых сходятся оценки сторонников всех изложенных выше концепций политических коммуникаций. В первую очередь - о сильной размытости границ понятий политической коммуникации и политического действия, идентичности на практике в большинстве случаев понятий политики и коммуникации или коммуникации как медийного ресурса осуществления политики.

Согласно разрабатываемой в США с 1968 г. концепции «Agenda-setting» (повестки дня), медийные ресурсы оказывают значительное влияние на общественность непосредственно самим подбором того, что становится предметом их рассмотрения. Воздействие медийных средств на политические процессы, политические взгляды и политическое поведение является ядром политической коммуникации, в процессе чего неминуемо имеет место формирование двух разных реальностей - политической и медийной [7].

При этом обращается внимание на получивший определение «the rhetorical presidency» фактор повышения значения коммуникативных механизмов осуществления власти при параллельном снижении возможностей всех других форм традиционной реализации государственных форм и методов управления (экономических, социально-политических, административных) [8].

Положенное в основу концепции «Agenda-Setting» положение о том, что ме-

дейные ресурсы задают картину мира и воздействуют на социальную конструкцию реальности, лежит в русле сформулированной в 1922 г. в книге В. Липпмана «Public Opinion» теоретической модели политической коммуникации, которая остается в мейнстриме ее теоретических исследований вплоть до нашего времени. В качестве подтверждения западные авторы приводят пример культивирования средствами телевидения создания реальности «электронного окружения», отличного от реального восприятия людьми объективно существующего мира. У. Липпман точно предсказал, что в последующие десятилетия понимание того, как изменять и манипулировать общественным мнением, станет самым важным элементом успеха в политике в демократических странах [9].

Еще одним подтверждением является разработанная в 1980 г. т.н. «теория молчаливой спирали», согласно которой искаженная медийными средствами картина действительности направлена на введение общественного мнения в заблуждение относительно в первую очередь действительно имеющих место в обществе настроений различных образующих его аудиторий [10]. Посредством динамичного взаимодействия между искаженным медийными средствами общественными представлениями, их смоделированного извне восприятия окружающего мира, программируемым властью социальным поведением потребителей медийной информации, на основе псевдорейальной картины мира происходит реально имеющие место изменения в настроениях общества в интересах политической власти [4].

В 1980 г. в США введено в оборот выражение «perception is reality» - реальность есть то, что чувствуется. Его автор, Л. Этуотер, работал в ходе президентских предвыборных кампаний на Р. Рейгана и Д. Буша младшего, добиваясь успеха в т.ч. проведением весьма грязных, в политико-технологическом плане, кампаний и фальсификацией результатов социологических общественных опросов, создавая псевдофакты в интересах воздействия на настроения избирателей и следуя тезису о том, что если люди во что-то верят, то не имеет значения, насколько объект их веры соответствует реальному положению дел.

Во многом аналогичный подход имел место в президентской кампании Д.Трампа, в предвыборных речах которого в любой последовательности перемешивались факты и вымысел. Своей победе на выборах 2016 г.

Д. Трамп обязан в очень большой степени использованию именно т.н. «новых медиа» - социальных сетей Интернета с задействованием технологий big-data в целях анализа общественного мнения.

Характерен и другой факт - в век цифровой информации во все более глобализованном мире нарастает коммуникационная дезориентация инициаторов политической коммуникации. Формируемая ими реальность представляет собой некий мир «де-факто». Мир ностальгии по прошлому, а не поиска путей в будущее. Д. Трамп призывает к «возрождению Великой Америки», авторы Brexit апеллируют к «утерянной Англии», идеология запрещенной в России террористической группировки ИГИЛ - к мифическому «халифату». Вместо критического осмысления действительности - эмоциональная отсылка к прошлому, которая в своих экстремистских проявлениях порождает в умах виртуальную картину псевдоценностей с готовностью отдать за них жизнь, как это практикуется террористами при подготовке шахидов-смертников.

В последнее время все большее число сторонников приобретает реально имеющая место в политической коммуникации тенденция оценки информационного общества как общества мыслящего сетевыми категориями, в чем заключается его принципиальное отличие от централизованных властных вертикалей при растущем преобладании в сети информационных потоков над потоками власти [11].

Деятельность государства в сфере информационной политики, информационное взаимодействие между властью и электоратом, информационное обеспечение внутри страны и за рубежом государственной политики, если вынести за скобки сугубо технологические аспекты области информатики, всегда была, есть и будет оставаться на обозримую перспективу политической и идеологической по своей сути функцией государственного управления общественным мнением.

В сегодняшнем мире «гибридных» и «информационных» войн, «оранжевых революций», в повсеместной обстановке не соперничества и конкуренции, а агрессивного информационно-пропагандистского противоборства и открытой информационной конфронтации идей и жизненных ценностей отказ от идеологической направленности ГИП одного государства неминуемо приведет к неизбежным и весьма болезненным ударам по его информационному су-

веренитету. Идеология никогда и нигде не приемлет идеологического вакуума. Конституции большинства стран не допускают наличия официальной государственной идеологии. Однако никто и ничто в реальности не в состоянии воспрепятствовать идеологизации информации на всем протяжении ее жизненного цикла от практики селективного подбора информации, задействования различных форм ее конструирования и обработки, приемов подачи, распространения и тиражирования, программирования форм восприятия, вплоть до применяемых механизмов ее сокрытия, архивации или утаивания до тех пор, пока она не станет отвечать интересам ее распространителей. Вопрос, отвечает ли государственная пропаганда национальным интересам, интересам общества в целом и преследует ли она действительно конструктивные цели.

Информационная политика – государственная, негосударственная, классовая в прошлом, но всегда идеологически ориентированная, является инструментом идеологического воздействия и средством достижения политических целей за счет воздействия коммуникационно-информационными средствами на сознание людей с целью формирования отвечающей национальным интересам идеологической, политической, экономической, социальной и любой другой общественно значимой системы взглядов, мнений, знаний, суждений и оценок людей, влияющих на восприятие массовым общественным мнением политики государства.

Основные направления медийной политики России во внешнеполитической сфере определены в утвержденной Президентом России В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. Указом № 640 Концепции внешней политики Российской Федерации¹. К основным внешнеполитическим приоритетам отнесены усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространение и укрепление позиций русского языка в мире, популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки, консолидация российской диаспоры; укрепление позиций российских средств массовой информации и массовых коммуникаций в глобальном информационном пространстве и доведение до широких кругов мировой общественности российской точки зрения на международные

процессы; содействие развитию конструктивного диалога и партнерства в интересах укрепления согласия и взаимообогащения различных культур и цивилизаций. Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. Предотвращение межцивилизационных разломов, формирование партнерства между культурами, религиями и цивилизациями призвано обеспечить гармоничное развитие человечества. Борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития.

В условиях обострения политических, социальных, экономических противоречий и роста нестабильности мировой политической и экономической системы повышается роль фактора силы в международных отношениях. На передний план, наряду с военной мощью, выдвигаются такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, технологические, информационные. Навязываемые извне идеологические ценности и рецепты модернизации политической системы государств усилили негативную реакцию общества на вызовы современности. Эти тенденции используются экстремистскими силами, которые, опираясь, в частности, на искаженное толкование религиозных ценностей, призывают к применению насильственных методов для достижения своих целей в политическом, межнациональном и межрелигиозном соперничестве [3].

Россия стремится добиваться объективного восприятия ее в мире, развивает собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, содействует усилению позиций российских и русскоязычных средств массовой информации в мировом информационном пространстве путем предоставления им необходимой для этого государственной поддержки, активно участвует в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимает необходимые меры по противодействию угрозам своей информационной безопасности.

Проблематика информационной безопасности, как важнейшая задача обеспе-

¹ Концепция внешней политики России. Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 02.10.2017).

чения информационного суверенитета страны, составляет содержание Доктрины информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ В.В. Путина 5 декабря 2016 г. № 646². Доктрина является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России и представляет собой качественно новый этап в регулировании принципиальных вопросов информационной безопасности страны. В документе представлена целостная стратегия действий по обеспечению информационной безопасности в среднесрочной перспективе и даны аргументированные объяснения существующих недостатков эффективности принимаемых мер. Комплексный анализ состояния информационной безопасности, а также ключевых направлений ее обеспечения в документе базируется на стратегических национальных приоритетах, изложенных в Стратегии национальной безопасности России 2015 г.³ Отличительной чертой Доктрины является конкретизация и анализ основных информационных угроз и состояния информационной безопасности страны, а также разнонаправленных факторов, влияющих на ее состояние практически во всех основных областях жизнедеятельности российского общества.

Национальные интересы РФ в информационной сфере определены как объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития в части, касающейся информационной сферы. Угроза информационной безопасности – как совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба национальным интересам в информационной сфере. Информационная безопасность – как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

Современная государственная информационная политика России в полной

мере реализует весь приведенный выше спектр задач. Безусловный приоритет придается обеспечению национального суверенитета и национальной безопасности в информационной сфере в самом широком значении этих понятий. ГИП России носит системный комплексный характер, научно обоснована, учитывает специфику духовных ценностей, отвечающих национальным интересам и культурно-историческим традициям страны, ментальные особенности российского многоконфессионального и многонационального общества, как и учитывает представляющие практический интерес передовые наработки зарубежного опыта построения государственной информационной политики. Она включает в себя нормативно-правовые, организационно-технические, экономические, организационные, социально-культурные и научно-образовательные компоненты.

ГИП России обрела свои нынешние черты одного из приоритетных направлений комплексной политико-идеологической деятельности всей вертикали российских органов государственной власти и управления по мере и в прямой взаимосвязи с масштабными процессами укрепления всей российской государственности, осознанием важности разноплановой активности по решительному отстаиванию национальных интересов страны, в том числе, ее информационного суверенитета и информационной безопасности, построением открытого демократического общества и единого открытого информационного пространства наряду с приоритетностью задачи обеспечения защиты конституционных прав и свобод российских граждан.

Нормативно-правовое регулирование является одним из главных инструментов государственной власти. Формирование и совершенствование законодательной базы для развития информационного общества выступает в качестве приоритетного направления государственной информационной политики. К настоящему времени в России создана и успешно функционирует целостная система национального законодательства в области информации как отдельная самостоятельная отрасль российского права. Базис информационной политики, как и по-

² Доктрина информационной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 02.10.2017).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391/page/1> (дата обращения: 10.10.2017).

литики в целом, составляют совокупность норм права и механизмы их реализации. Информационное законодательство является одним из главных условий разработки и реализации государственной информационной политики. Оно создает правовую базу регулирования рынка информационной продукции и услуг, а также развития всего комплекса средств массовой коммуникации, информатизации и связи.

В последнее время наиболее актуальной тенденцией развития в стране национального информационного законодательства в разрезе государственной информационной политики, как и приоритетным направлением государственной информационной политики, безусловно, является разработка и принятие комплекса законов и подзаконных нормативных актов, направленных на обеспечение информационного суверенитета и защиту национальных интересов России в информационно-коммуникационной сфере, включая национальный сегмент Интернета.

Данные нормативные документы ввиду значительно возросших угроз и вызовов информационному суверенитету и национальной безопасности России в т.ч. в информационно-коммуникационной сфере, преимущественно носят ограничительный характер. Речь идет о соотношении декларируемых Конституцией России правах граждан на информацию, о конституционных гарантиях свободы СМИ и запрете цензуры, с одной стороны, и имеющей место практике усиления контрольно-регулирующих функций современной государственной информационной политики России с точки зрения расширения правового инструментария в интересах недопущения и противодействия использования Интернета в противоправных целях, главным образом, террористической и экстремистской направленности.

В международном праве положения о возможности ограничения в известных случаях прав и свобод гражданина, включая право на свободу слова и информации, в разных формах содержатся в т.ч. в принятой 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав и свобод человека (Статьи 12, 29), в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Статья 10), в Международном пакте о гражданских и политических правах (Статьи

19, 20). В современной российской практике определение допустимых ограничений таких прав впервые дано в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. и подтверждено приведенными выше нормами Конституции РФ 1993 года.

19 апреля 2001 г. Конституционный Суд РФ установил, что, исходя из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (статья 2 Конституции), как и иных защищаемых Конституцией ценностей, является обязанностью государства, федеральный законодатель вправе осуществлять надлежащее правовое регулирование, обеспечивающее соблюдение правопорядка, в том числе предусматривать административную ответственность за противоправные деяния. При этом допустимые ограничения прав и свобод строго очерчены Конституцией, ее статьями 17 (часть 3), 29 (часть 2) и 55 (часть 3), из предписаний которых, в частности, следует, что свобода слова и свобода массовой информации не должны использоваться во вред основам конституционного строя, нравственности, правам и законным интересам других лиц, безопасности государства⁴.

Результаты исследования

С учетом новых политических реалий международной обстановки, характеризующейся высокой степенью идеологизации международных отношений, нарастанием угроз и вызовов национальным интересам России, а также исходя из стратегических направлений развития внутренней и внешней политики страны, в т.ч. с точки зрения совершенствования государственной информационной политики, адекватной требованиям и потребностям настоящего времени, происходит известное переосмысление традиционных подходов к методам осуществления политической коммуникации в их классической форме в направлении приведения их в соответствие с реальным положением дел в данной сфере.

Государственная информационная политика охватывает все сферы общественной жизни, является составной частью внешней и внутренней политики России и представляет собой совокупность целей, которые отражают национальные интересы страны в информационной сфере, а также действия исполнительной, законодательной и судебных властей по их реализации. Под по-

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.04.2001 N 70-О. Доступ из справ. – правовой системы «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31683/ (дата обращения: 02.10.2017).

нятием ГИП подразумевается способность и возможность субъектов политики воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества. В более широком смысле это особая сфера жизнедеятельности, связанная с воспроизводством и распространением информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направленная на обеспечение взаимного конструктивного диалога.

Анализ результатов

Принципы историзма и следования причинно-следственным взаимосвязям составляют методологическую основу эволюции информационной политики в России в направлении создания Единого информационного пространства знаний. Она носит системный, последовательный, правовой и идеологический характер и выполняет функции государственного управления в информационно-коммуникационной сфере. На каждом отдельно взятом этапе становления российского общества и российской государственности, информационная политика соответствовала адекватным потребностям каждого исторического этапа, требованиям и потребностям общества и государства.

Построение открытого демократического информационного общества и единого открытого информационного пространства знаний неизменно рассматривается в качестве приоритетной задачи обеспечения защиты конституционных прав и свобод российских граждан⁵. Реальные возможности ее реализации в практической дея-

тельности государства на каждом отдельно взятом историческом отрезке времени обуславливались существовавшими в стране реальными техническими возможностями и достигнутым уровнем технологического развития отечественной информационно-коммуникационной сферы.

Заключение

Постоянное информационное взаимодействие между гражданским обществом и государственной властью, между различными административно-территориальными и национальными образованиями, между всеми ветвями и структурами центральной и местной власти является важнейшим условием устойчивого развития государства, сохранения его единства и целостности, что приобретает особое значение в условиях новой политической реальности, характеризующихся, в т.ч., ужесточением информационного противоборства в сфере международных отношений, информационными войнами, ведущимися рядом стран Запада в отношении России, ростом киберугроз информационному суверенитету Российской Федерации.

Адекватное информационное обеспечение государственной власти играет ключевую роль в процессах эффективного функционирования государственного механизма, реализации всех стадий процесса государственного управления, адекватного целям и задачам развития и удовлетворения потребностей современного российского общества в интересах достижения главной цели стратегии развития информационного общества в России – создания условий для формирования в стране общества знаний.

Литература:

1. Енгибарян Р.В. Время выбирает нас, мы - свои цивилизационные приоритеты // Право и управление. XXI век. № 2 (35). 2015.
2. Енгибарян Р.В., Караулова Ю.А., Селезнева В.В. Многоликая демократия - время переоценки ценностей // Право и управление. XXI век. №1 (42). 2017.
3. Енгибарян Р.В. Первая половина XXI столетия: исламский вызов. // Право и управление. XXI век. № 4 (41). 2016.
4. Енгибарян Р.В. Институт Президентства США и России // Право и управление. XXI век. № 3 (40). 2016.
5. Меньшиков П.В. Актуальные аспекты информационного обеспечения российской внешней политики // Научное издание Медиапространство многополярного мира : сборник научных статей. Москва: РУДН. 13 апреля 2017 г. / Под ред. Ел. В. Мартыненко. Москва: РУДН, 2017.

⁵ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы // Официальный сайт Президента России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 02.10.2017).

6. Landreville, K.D., LaMarre, H.L. Examining the Intertextuality of Fictional Political Comedy and Real-World Political News // *Media Psychology*. № 16(3). 2013.
7. Harrison, K., Hefner, V. Virtually Perfect: Image Retouching and Adolescent Body Image // *Media Psychology*. № 17(2). 2014.
8. Kazakova, S., Cauberghe, V., Pandelaere, M., De Pelsmacker, P. Can't See the Forest for the Trees? The Effect of Media Multitasking on Cognitive Processing Style // *Media Psychology*. № 18(4). 2015.
9. Lippmann W. Public opinion. Transaction Publishers. N.-Y., 1946.
10. Trepte, S., Dienlin, T., Reinecke, L. Influence of Social Support Received in Online and Offline Contexts on Satisfaction With Social Support and Satisfaction With Life: A Longitudinal Study // *Media Psychology*. 18(1). 2015.
11. Strategic Public Diplomacy. Testimony by James K. Glassman. Before the Senate Committee on Foreign Relations at the Hearings on The Future of U.S. Public Diplomacy. W., 2010.

COMMUNICATION AS A MANAGEMENT FUNCTION OF A MODERN STATE

Introduction. *The article examines the evolution and current state of the theory of political communication as one of the functions of state management in Russia and Western nations. The main focus is on the specifics of the regulatory priorities of the state information policy in Russia in the new political reality that emerged after 2014. The main directions for improving information legislation, forms and methods of communication of government and society are considered.*

Materials and methods. *Comparative analysis of results of development by leading experts of the US and the EU of media policy in relation to the management function of the modern state allows conducting a comprehensive interdisciplinary study of the modern practice of implementation of state information policy by public authorities and management of the Russian Federation. The research is based on general scientific and special methods of cognition of legal phenomena and processes in the sphere of Russian information legislation: the method of systemic structural analysis, comparative-legal and formal-logical methods.*

Results. *Both in Western countries and in Russia, the evolution of communication policy of modern States moved in recent years towards shifting the focus of media policy on the online space of the Internet. The apparent specificity of the approach in Russia, is to strengthen the legislative regulation of the national segment of the Internet to ensure the information sovereignty of the Russian Federation when information warfare waged by Western nations against Russia becomes tougher and the importance*

of ideology in modern international relations grows. The new political reality that emerged primarily after 2014 sees a natural process of transformation of the priorities in the methods and means of formation of uniform information space of Russia as a space of knowledge.

Discussion and Conclusion. *The external and internal political conditions of the Russian state's activity in the information and communication sphere require a certain rethinking of the entire range of issues related to political content, methods and technologies for building the communicative interaction between the government bodies of the Russian Federation at all levels and the country's entire population. While it is important to take into account the classical principles of implementing an effective mechanism for communicative interaction between government and society, the challenge has arisen to create a national media policy that meets the requirements of the present day. The development of this policy must be one of the priority tasks in the context of improving performance of the government bodies of the Russian Federation. The most important work for the Russian state in this field is to scale up comprehensive efforts in the sphere of information security of the country.*

Petr Menshikov,
Candidate of Science (General History),
Associate Professor, Department for International Integrated Studies, Odintsovo branch of MGIMO University under the MFA of Russia.

Ключевые слова:

Государственная информационная политика, политическая коммуникация, Единое информационное пространство, информационное законодательство, медийная политика, информационная безопасность, информационные войны, информационный суверенитет.

Keywords:

State information policy, political communication, single information space, information law, media policy, information security, information warfare, information sovereignty.

References:

1. Yengibaryan R.V., 2015. Vremja vybiraet nas, my - svoi civilizacionnye priorityety [Times chooses us, we choose our civilizational Priorities]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 2(35).
2. Engibarjan R.V., Karaulova J.A., Selesneva V.V., 2017. Mnogolikaja demokratija - vremja pereocenki cennostej [Multifaceted Democracy - It's Time to Re-Evaluate Values]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. № 1(42).
3. Yengibaryan R.V., 2016. Pervaja polovina XXI stoletija: islamskij vyzov [The first Half of the 21st Century: an Islamic Challenge]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. №4 (41).
4. Yengibaryan R.V., 2016. Institut Prezidentstva SShA I Rossii [The Institution of Presidency in the USA and Russia]. *Pravo i upravlenie. XXI vek [Journal of Law and Administration]*. №3 (40).
5. Men'shikov P.V., 2017. Aktual'nye aspekty informacionnogo obespechenija rossijskoj vneshnej politiki [The Topical Issues of Russian Foreign Policy Informational Support]. *Nauchnoe izdanie Mediaprostranstvo mnogopoljarnogo mira: sbornik nauchnyh statej [Scientific Edition Media Space of Multipolar World: Collected Articles]*. Moskva: RUDN. 13 aprelja 2017 g. / pod red. El. V. Martynenko. Moscow, RUDN.
6. Landreville, K.D., LaMarre, H.L., 2013. Examining the Intertextuality of Fictional Political Comedy and Real-World Political News. *Media Psychology*. 16(3).
7. Harrison, K., Hefner, V., 2014. Virtually Perfect: Image Retouching and Adolescent Body Image. 2014. *Media Psychology*. 17(2).
8. Kazakova, S., Cauberghe, V., Pandelaere, M., De Pelsmacker, P., 2015. Can't See the Forest for the Trees? The Effect of Media Multitasking on Cognitive Processing Style. *Media Psychology*. 18(4).
9. Lippmann W., 1946. Public opinion. Transaction Publishers. N.-Y.
10. Trepte, S., Dienlin, T., Reinecke, L., 2015. Influence of Social Support Received in Online and Offline Contexts on Satisfaction With Social Support and Satisfaction With Life: A Longitudinal Study. *Media Psychology*. 18(1).
11. Strategic Public Diplomacy. Testimony by James K. Glassman. Before the Senate Committee on Foreign Relations at the Hearings on The Future of U.S. Public Diplomacy. W., 2010.